

ЭЛИТА И КРАХ МОНАРХИИ В РОССИИ В ФЕВРАЛЕ 1917 г.

**Данилов
Андрей
Геннадьевич** доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории права и государства,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70).
E-mail: agd7@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены критерии, кого можно отнести к российской элите, проанализировано состояние управленческой элиты накануне Февральской революции 1917 г.: конфликт между военной и гражданской администрацией в 1914 – 1915 гг., противоречия внутри правительства, отсутствие единства между императором и великими князьями. Автор пришел к выводу о том, что раскол внутри правящей элиты является важной причиной краха монархии в феврале 1917 г.

Ключевые слова: элита, элитистская парадигма, Февральская революция 1917 г. в России, Николай II, Первая мировая война, Верховный главнокомандующий, Совет министров, раскол внутри императорской фамилии, крах монархии.

На протяжении всей столетней истории после событий февраля 1917 г. в Петрограде их участники и современники, последующие исследователи в СССР, России и за рубежом спорили и продолжают спорить о характере революции: она была стихийной или была подготовлена какими-то политическими силами, масонами внутри страны и (или) агентами из-за рубежа? Революция явилась закономерным результатом предшествующей истории России или стала следствием стечения обстоятельств?

Существуют различные инструменты (концепции, парадигмы) исследования причин, предпосылок, характера Февральской революции, роли в ней императора Николая II, различных политических партий, общественных организаций, классов: марксистская, мальтузианская, модернизационная, институциональная, психосоциальная, структурная, элитистская и другие. Каждая из них дает свое видение выше-названных проблем. Например, причинами революций 1917 г. в России являлись: согласно марксистской концепции, – конфликт между растущими производительными силами и сложившейся системой социальных отношений и учреждений; согласно мальтузианской теории, – конфликт между производительными силами и потребностями людей в пище (рост числа жителей и их потребностей значительно опережает увеличение ресурсов); согласно модернизационной концепции, – конфликт традиции и современности (общество вследствие особых обстоятельств, порожденных

войной и ожесточенной борьбой за власть между элитами, не справилось с процессом перехода от традиции к модерну) [1, с. 106 – 115].

Нам представляются непродуктивными дискуссии по вопросу о том, какой инструментарий более эффективный, а какой метод себя исчерпал (споры о том, что марксизм якобы «устарел»). Каждая парадигма позволяет увидеть изучаемую проблему с новой стороны. Анализ такого многогранного явления как революция предполагает не замену одной концепции на другую, а комплексное использование всех методов одновременно.

На рубеже XX – XXI вв. в отечественных исследованиях стал широко применяться элитистский подход (парадигма). Он предполагает сосредоточение внимания на изучении роли отдельных личностей или их групп накануне и в ходе изучаемых событий. Этот метод мы используем в данной работе.

В последние годы отечественные исследователи проделали значительную работу по изучению различных групп российской элиты в начале XX в. и в 1917 г. [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Не вдаваясь в анализ отличий (признаков) политической, управленческой, деловой, военной, правящей, интеллектуальной элиты, отметим наиболее существенное для нашей статьи. В современной политологии, например, в работах О. В. Гаман-Голутвиной, политическая элита – это категория лиц, обладающих властью, вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть [7, 1998. с. 5]. Спецификой политического процесса в России в начале XX в. до 1917 г. было то обстоятельство, что политическая элита и бюрократическая (правящая) элита – это разные явления: бюрократическая (правящая) элита не занималась профессиональной политической деятельностью, а политическая элита не занималась управлением. Конфликт бюрократической и политической элит – одна из важных причин Февральской революции в России в 1917 г. с точки зрения элитистской парадигмы.

В целом (с некоторыми оговорками) мы согласны с мнением И. Л. Архипова, который к политической элите России накануне 1917 г. относит представителей всех легально действовавших политических сил (за исключением царской семьи, «двора», высшей бюрократии, чиновничества). В соответствии со статусом и профессиональной принадлежностью исследователь выделяет ряд групп внутри политической элиты: 1) руководители, идеологи и активисты различных политических партий и общественных организаций; 2) депутаты Государственной думы (вне зависимости от их фракционной принадлежности); 3) журналисты и писатели (многие из них отличались очевидной политической ангажированностью, выполняли политические функции, не только ретранслируя идеи «профессиональных» политиков, но и внося свой интеллектуальный вклад в формирование идеологических схем, непосредственно участвуя в политической жизни); 4) представители деловых кругов (лидеры «торгово-промышленного класса» активно занимались политикой – как непосредственно в рамках политических организаций, так и оказывая материальную и моральную поддержку близким им политическим структурам и группам); 5) отдельные представители военной элиты (в реальности, в политических процессах участвовали офицеры и генералитет Ставки, Генерального штаба, командующие фронтами и армиями, хотя до Февраля 1917 г. это происходило неофициально, в достаточно скрытых для широких слоев населения формах) [4].

Близка к позиции И. Л. Архипова и точка зрения С. В. Куликова, который к общественной (политической) элите относит руководителей общественных организаций, политических партий, Государственной думы и Государственного совета. Однако историк называет политическую элиту общественной контрэлитой [10, с. 119].

Политической элите в России до 1917 г. противостояла бюрократическая элита. Но порой были ситуации, в которых часть министров сотрудничала с некоторыми кругами Государственной думы.

Мы согласны с мнением С.В. Куликова, который ставит знак равенства между бюрократической и правящей элитой применительно к периоду истории России до февраля 1917 г. Именно это обстоятельство определяет актуальность и важность изучения состояния и деятельности бюрократической (правящей) элиты для осмысления предыстории и истории Февральской революции.

По мнению С.В. Куликова, с формальной точки зрения к бюрократической элите относились чиновники, занимавшие должности первых четырех классов. Одновременно исследователь, на наш взгляд, аргументированно выделяет внутри этого слоя более узкую группу (автор называет ее субэлитой), в которую входили чиновники, не просто занимавшие высокие места в иерархии власти, а принимавшие последние решения, выражавшие волю бюрократической элиты. В субэлиту входили представители трех отраслей высшей власти: законодательной (назначаемые члены Государственного совета), исполнительной (министры, их товарищи (заместители), директора департаментов) и судебной (сенаторы) [10, с. 119 – 120]. По подсчетам С.В. Куликова, в высшую столичную элиту входило 622 человека: 139 членов Государственного совета по назначению, 21 министр и главноуправляющий, 313 сенаторов, 149 заместителей министров, начальников главных управлений и директоров департаментов [5, с. 436, табл. 1].

Нам представляется, что в условиях Первой мировой войны в состав бюрократической (правящей) элиты дополнительно необходимо включить руководство Ставки Верховного главнокомандующего и командующих фронтами, которые, согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» (1914 г.), получили широкие (если не сказать, неограниченные) властные полномочия на территории страны, объявленной театром военных действий. Также в состав правящей бюрократии можно включить группу великих князей. Они относятся к данному слою, как по формальному признаку – занимали ряд руководящих должностей в Ставке и в армии, так и по своей возможности иметь личный доступ к царю с целью повлиять на его решения.

Характеризуя ситуацию в стране в годы, предшествующие Февральской революции 1917 г., отметим, что в указанный период отечественной истории помимо классовой борьбы между крестьянами и помещиками, рабочими и буржуазией, наличием противоречий в национальной сфере, наблюдалось противостояние между властью (император, правительство) и обществом (Государственная дума, Военно-промышленный комитет, Земско-городской союз, политические партии, общественные организации). Это противостояние можно назвать борьбой бюрократической и политической элит в России.

Однако к перечисленным противоречиям добавлялось отсутствие единства и внутри самой правящей элиты.

Цель статьи – проанализировать степень единства внутри правящей элиты России в 1915 – феврале 1917 г., накануне Февральской революции.

В изучаемый период раскол внутри правящего слоя существовал по нескольким направлениям:

- а) между Советом министров и Ставкой Верховного главнокомандующего (июль 1914 г. – август 1915 г.),
- б) внутри Совета министров (1915 г. – февраль 1917 г.),
- в) внутри императорской фамилии (вторая половина 1916 г. – февраль 1917 г.).

Противоречия между Советом министров и Ставкой Верховного главнокомандующего (июль 1914 г. – август 1915 г.)

16 июля 1914 г., всего за 3 дня до начала войны (!), император утвердил «Положение о полевом управлении войск в военное время». Согласно этому документу (ст. 8), территория, предназначенная для развертывания и действий вооруженных сил, а также для размещения их тыловых учреждений, составляет театр военных действий. На этой территории высшая власть принадлежит Верховному главнокомандующему, который облачается чрезвычайными полномочиями. Согласно ст. 17 данного «Положения», приказы Верховного главнокомандующего на театре военных действий исполняются всеми органами государственной власти, общественными организациями и всем населением, как распоряжения самого императора. Почти такими же широкими полномочиями наделялись командующие фронтами [11, с. 10]. Когда готовился данный документ, предполагалось, что Верховным главнокомандующим русской армии будет император Николай II. Но события развивались по другому пути.

17 июля (ст. стиль) 1914 г. в России была объявлена мобилизация. Фактически это означало – война! 18 июля под председательством императора состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждались вопросы деятельности правительства в отсутствие царя, который «уходит с армией в поход». В тот день министрам удалось уговорить царя не занимать пост Верховного главнокомандующего. Главный аргумент – стране угрожает немало опасностей вследствие отсутствия главы государства в столице в критическое для России время. Подробности этого заседания позже в своих мемуарах восстановит военный министр В. А. Сухомлинов [12, с. 229 – 230]. 19 июля 1914 г., в день вступления России в войну, император объявил великому князю Николаю Николаевичу о его назначении верховным главнокомандующим «впредь до моего приезда в армию».

К лету 1915 г. территория, на которой вся полнота власти принадлежала военным во главе с Николаем Николаевичем, была обширной: часть Украины, Белоруссии, Финляндия, Польша, Кавказ, Прибалтика, Архангельск, Владивосток, а также столица – Петроград. Гражданская власть, включая Совет министров, не только не могла повлиять на решения военных в этих регионах, она часто даже не знала о том, что происходит на этой территории, потому что военные не обязаны были ни с кем согласовывать свои действия и ни перед кем-либо отчитываться [11, с. 9 – 14].

Фактически в течение первого года войны (июль 1914 г. – август 1915 г.) на части территории страны сложилось двоевластие. Это нередко приводило к конфликтам между гражданской администрацией (Совет министров, губернаторы) и военными (Верховный главнокомандующий, командующие фронтами), а главное – к неразберихе, хаосу и невозможности быстро и успешно решать многочисленные вопросы. На заседании Совета министров 30 июля 1915 г. по этому вопросу отмечалось, что «все настолько перепутано, что надо чуть ли не годы, чтобы разобраться в происходящем хаосе и приучить военных начальников считаться со штатскими интересами» [11, с. 33]. Министры «сознают свое бессилие. Все тот же проклятый вопрос о взаимоотношениях военной и гражданской власти. И правда, что может сделать правительство, раз Верховный Главнокомандующий считает для успеха войны нужным отдать то или иное приказание» [11, с. 33].

Великого князя Николая Николаевича и его окружение в Ставке, с одной стороны, и часть высшей бюрократии в Петербурге, с другой стороны, разделяли: а) управленческие (межведомственные) противоречия, б) отрицательное отношение генералов к решению царя самому стать Верховным главнокомандующим в августе 1915 г., в) их недоверие к императрице Александре Федоровне, г) ненависть к Г. Е. Распутину, д) стремление влиять на назначения министров. Одновременно оппоненты расходились по политическим вопросам: как решать польский и еврейский вопросы, отношение к Государственной думе (сотрудничество с оппозицией или ее игнорирование) и т. д.

В течение первого года войны великому князю Николаю Николаевичу, как Верховному главнокомандующему, постоянно приходилось решать вопросы не только фронта, но и тыла, обеспечения армии всем необходимым. Это неизбежно приводило к его частому и тесному общению с Советом министров, губернаторами, депутатами Государственной думы, представителями общественности (Земский и Городской союзы), крупного капитала. В условиях войны с помощью военной цензуры он мог значительно влиять на состояние печати в стране, и тем самым – на общественное мнение. Не будем забывать о его популярности в армии. Все это вместе взятое значительно повышали политический вес и авторитет Николая Николаевича среди различных слоев общества.

Таким образом, параллельно Совету министров Ставка Верховного главнокомандующего постепенно превращалась в еще один центр власти.

Противоречия внутри Совета министров (1915 г. – февраль 1917 г.)

Отличительной чертой правительства России до 1917 г. было то обстоятельство, что его Председатель не подбирал себе министров – единомышленников. Их кандидатуры подбирал и назначал царь. Министры имели право личного доклада императору. В такой ситуации нередко были ведомственные споры, борьба честолюбий и амбиций. Сильный премьер-министр, например, П. А. Столыпин в 1906 – 1911 гг., и общая программа действий позволяли минимизировать масштабы межведомственных и личных конфликтов и степень их влияния на работу правительства.

Однако после его гибели в сентябре 1911 г. уровень профессионализма и лидерских качеств руководителей российского правительства с годами неуклонно

только снижался: В. Н. Коковцев (годы премьерства – сентябрь 1911 г. – январь 1914 г.), И. Л. Горемыкин (январь 1914 г. – январь 1916 г.), Б. В. Штюрмер (январь – ноябрь 1916 г.), Н. Д. Голицын (декабрь 1916 г. – февраль 1917 гг.). На их фоне сильной личностью был А. Ф. Трепов. Но он был Председателем Совета министров России с 10 ноября по 27 декабря 1916 г. – всего 1,5 месяца. Снижение в 1911 – 1916 гг. масштаба личности премьера, отсутствие общей (объединяющей все министерства и ведомства) программы действий, усложнение задач, особенно в годы мировой войны, сокращение сроков руководства правительством (от 2,5 лет до 1,5 месяцев), кадровая политика Николая II – все это вместе взятое делали неизбежным усиление противоречий и конфликтов внутри правительства в годы, предшествующие Февральской революции.

Можно согласиться с мнением ряда исследователей, например, Ф. А. Гайды, о том, что в годы руководства правительством В. Н. Коковцевым (сентябрь 1911 г. – январь 1914 г.) причинами конфликтов были в основном межведомственные противоречия и личные амбиции [13, с. 80].

При следующих руководителях (И. Л. Горемыкине, Б. В. Штюрмере, А. Ф. Трепове, Н. Д. Голицыне) в 1915 – 1916 гг. к традиционным причинам конфликтов внутри Совета министров добавились политические разногласия. Главное, что разделяло оппонентов, было их отношение к роли Государственной думы. По мнению одних министров (А. В. Кривошеин, С. Д. Сазонов, П. Н. Игнатъев, П. А. Харитонов и др.) роль Государственной думы в управлении страной должна с годами возрастать. Другие министры (Н. А. Маклаков, В. К. Саблер, И. Г. Щегловитов, А. Н. Хвостов, А. Д. Протопопов) отрицательно относились к ее существованию и деятельности, стремились минимизировать участие Государственной думы в жизни страны.

Наиболее крупными открытыми проявлениями противоречий внутри правительства были следующие.

В мае 1915 г. группа министров (А. В. Кривошеин, П. Л. Барк, П. А. Харитонов, В. Н. Шаховской, С. В. Рухлов, И. К. Григорович, П. Н. Игнатъев), угрожая своей отставкой, потребовали от Председателя Совета министров увольнения трех «правых» министров (И. Г. Щегловитова, Н. А. Маклакова, В. К. Саблера), а также военного министра В. А. Сухомлинова, как виновного в неподготовленности России к войне. По ряду причин император пошел навстречу этому демаршу.

В августе 1915 г. конфликт внутри правительства достиг таких масштабов, что 21 августа большинство министров предложили председателю правительства И. Л. Горемыкину уйти в отставку» [11, с. 89 – 99]. В тот же день 8 министров направили письмо императору, в котором, в частности, признавали «коренное разномыслие между Председателем Совета министров и нами (министрами, подписавшими письмо. – А. Д.) в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение ... в настоящие дни губительно» [11, с. 98]. Царь в конфликте министров с премьером поддержал премьера, а министры, подписавшие письмо, в течение последующих месяцев были отправлены в отставку.

Осенью 1916 г. – феврале 1917 г. одной из причин, которая приводила к отсутствию единства внутри правительства, была деятельность министра внутренних дел

А. Д. Протопопова. За его отставку выступали даже премьеры А. Ф. Трепов и Н. Д. Голицын. Однако покровительство императрицы Александры Федоровны каждый раз защищало А. Д. Протопова от увольнения.

Слабо подготовленные в профессиональном отношении министры, между которыми не было единства, не были той реальной силой, которая могла бы предотвратить крушение монархии.

Раскол внутри императорской фамилии

В течение всего XIX столетия и даже в начале XX в. великие князья занимали многие ключевые посты в управлении государством, в армии и были верной опорой императору.

Александр III достаточно строго относился ко всем членам семьи Романовых, в том числе и к своим детям.

Увы, в годы правления его сына Николая II конфликты стали постоянным спутником венценосного семейства. Но, как правило, их причинами были лично-семейные обстоятельства, морганатические браки великих князей (самый обсуждаемый в обществе случай – морганатический брак Михаила, брата царя).

Однако во второй половине 1916 – начале 1917 г. причиной раскола и конфликта в многочисленной семье Романовых стали политические разногласия. Как это не удивит современных монархистов и поклонников Николая II, не только значительная часть общества и значительная часть элиты, но даже и некоторые великие князья с осени 1916 г. (а может быть и раньше?) стали считать, что именно император ведет страну к кризису, монархию – к крушению, а Россию – к поражению в войне.

Великий князь Александр Михайлович, шеф Императорского военно-воздушного флота, во время своего доклада Николаю II в Ставке в Могилеве 23 июля 1916 г., кроме состояния военной авиации и перспектив ее использования на фронтах Первой мировой войны, попытался поговорить с царем о политической ситуации в стране. Но увидел только «недоверие и холодность в глазах». Разговора не получилось. В те же дни (23 или 24 июля 1916 г. – дата разговора не известна) в Ставке Александр Михайлович имел беседу со своим братом великим князем Сергеем Михайловичем, полевым генерал-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующем. Александр Михайлович много сделал для создания русской авиации. Благодаря усилиям Сергея Михайловича до и во время войны русская артиллерия ничем не уступала германской и превосходила австрийскую по степени профессионализма. Позже в своих воспоминаниях Александр Михайлович напишет об этой встрече: «Настроение Сергея выражало отсутствие всякой надежды. Живя в непосредственной близости от Государя, Сергей видел, как приближается катастрофа». Он не исключал, что в России в течение года может произойти революция, а Николай II, по мнению Сергея Михайловича, бездействует. «Если Государь будет поступать и впредь так, как он делал до сих пор, то мы не сможем долго противостоять революции». Александр Михайлович отмечает в своих воспоминаниях: «Я вполне доверял Сергею. Его точный математический ум не был способен на необоснованные предположения. Его утверждения основывались на всесторонней осведомленности и тща-

тельном анализе секретных донесений» [14, с. 260 – 261]. Вдумайся, уважаемый читатель: на календаре еще только июль 1916 г. До краха монархии еще семь месяцев! А у великого князя Сергея Михайловича «отсутствие всякой надежды» – «приближается катастрофа»...

В последующем попытки открыть глаза императору на нарастание кризиса власти предпринимали:

1 ноября 1916 г. – великий князь, известный историк, Николай Михайлович.

8 ноября – великий князь, бывший Верховный главнокомандующий, а в то время командующий Кавказским фронтом Николай Николаевич.

Аналогичные вопросы в своих письмах императору подняли великий князь Георгий Михайлович (письмо от 11 ноября 1916 г. из г. Бердичева) и великий князь Михаил Михайлович (письмо от 15 ноября 1916 г. из Лондона).

3 декабря 1916 г. великий князь Павел Александрович от имени семейного совета великих князей предложил Николаю II даровать конституцию или ответственное министерство и высказал обвинения в том, что назначения министров делаются под влиянием Г. Е. Распутина.

10 февраля 1917 г. состоялся продолжительный разговор великого князя Александра Михайловича с императором и императрицей о положении в стране и судьбах России.

Небольшие рамки статьи не позволяют подробно проанализировать все сюжеты на эту тему, поэтому дадим их краткий обзор.

1 ноября 1916 г. к Николаю II в Ставку специально приезжал из Петрограда великий князь Николай Михайлович, известный историк. Он в самых мрачных красках обрисовал императору внутреннее положение в стране и грозящую катастрофой политику правительства, умолял его, пока не поздно, спасти положение. Не ограничившись устной беседой, Николай Михайлович вручил Государю письмо [15, с. 145 – 147], содержание которого вызвало гнев императрицы Александры Федоровны.

8 ноября 1916 г. великий князь Николай Николаевич (бывший Верховный главнокомандующий), прибывший с Кавказского фронта в Ставку в Могилев, в разговоре с царем с глазу на глаз среди прочего сказал: «Положение катастрофическое. Мы все хотим помочь вам, но мы бессильны, если вы сами не поможете себе ...» [16, с. 225]. Речь шла о необходимости устранить пагубное вмешательство императрицы Александры Федоровны в управление государством. Николай II дал понять, что не будет ничего менять в этом вопросе. А вот что Николай Николаевич рассказал об этой беседе с императором через четыре месяца, 7 марта 1917 г. великому князю Андрею Владимировичу. Последний записал в своем дневнике 9 марта 1917 г.: «... когда я (великий князь Николай Николаевич. – А. Д.) был в ставке, я имел длинный разговор с Ники, и в очень резкой форме. ... Я ему прямо сказал: «...Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне (1916 г. – А. Д.) я тебе говорил об этом. Ты все медлишь. Смотри, чтобы не поздно было потом...» В таком духе я говорил – он все молчал и пожимал плечами. Еще накануне, Шавельский (протопресвитер русской армии и флота. – А. Д.) с ним долго говорил на эту тему – и тоже ничего. После этого я понял, что все конечно, и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по

наклонной плоскости и рано или поздно он корону потеряет» [17, запись от 9 марта 1917 г.].

10 февраля 1917 г. была предпринята последняя попытка наиболее близкого к царской семье великого князя Александра Михайловича повлиять на императрицу Александру Федоровну. Предварительно он направил письмо Николаю II о ситуации в стране и мерах по предотвращению социального взрыва [15, с. 117 – 122].

В письме, в частности, были такие строки. «События показывают, что Твои советники продолжают вести Россию и Тебя к верной гибели [15, с. 121]». Положение в стране Александр Михайлович определяет как «полное внутреннее нестроение, которое с каждым днем ухудшается», как «хаос» [15, с. 121, 121]. В этот тяжелый момент «не лучшие, а худшие силы правят Россией» [15, с. 121]. Главный вывод письма: «как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу» [15, с. 121].

Содержание беседы великий князь сразу же изложил в письме 14 февраля старшему брату, великому князю Николаю Михайловичу [18, с. 130 – 134], а позже в своих воспоминаниях [14, с. 266 – 268].

Разговор выявил диаметрально противоположные подходы обеих сторон по всем вопросам текущей жизни. Главный вывод, который изложил Александр Михайлович в своем письме к брату 14 февраля 1917 г. после беседы с императрицей и императором: «Ждать добра из Царского села нельзя, и вопрос стоит так: или сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасти Россию, приняв героические меры. Положение безвыходное, такое, в котором Россия никогда не находилась» [18, с. 131].

Не только оппозиция, не только критически мыслящая элита, но и часть великих князей (кто раньше, кто позже) осознали, что пути Николая II и России разошлись. В этом конфликте – царя и России – большинство великих князей выбрало Россию. Это объясняет их положительное отношение к отречению императора и приходу к власти Временного правительства.

Один из уроков многовековой истории борьбы за власть во всех государствах заключается в следующем. Борьбу друг с другом отдельные группы элиты могут вести только в условиях стабильности, когда правящий класс контролирует ситуацию в стране. Например, противостояние Милославских и Нарышкиных в 1682 и в 1689 гг., смена императоров на престоле в России в эпоху дворцовых переворотов, смещение Н. С. Хрущева в октябре 1964 г., убийство президента США Д. Кеннеди в ноябре 1963 г. не привели к дестабилизации ситуации в стране.

Напротив, в ситуации нестабильности, когда правящая элита постепенно утрачивает контроль за происходящим в обществе процессами – в подобных условиях как никогда необходимо единение правящего слоя. Альтернативой единству в условиях кризиса является потеря власти всей правящей элитой. Ярким проявлением этой закономерности служит выступление деятелей ГКЧП в августе 1991 г. Можно предположить, что смещение М.С. Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК КПСС в 1986 – 1987 гг. на Пленуме ЦК КПСС не вызвало бы каких-либо потрясений в

советском обществе. Летом 1991 г. ситуация в СССР была качественно другой. В новых условиях попытка одной части советской элиты выступить против другой ее части привела к тому, что вся советская элита была отстранена от власти.

В определенной степени раскол элит на рубеже XVI – XVII вв. был одной из предпосылок начавшейся в России Смуты.

Аналогично – раскол внутри правящей (бюрократической) элиты накануне 1917 г. является важной причиной краха монархии.

Качество правящей элиты, ее способность решать проблемы, стоящие перед страной, определяет возможности стабильного, эволюционного развития общества без социальных потрясений и национальных катастроф. Сильный лидер во главе государства и единство элиты позволяют решить любые внутри- и внешнеполитические проблемы. Отсутствие в России накануне и в дни Февральской революции 1917 г. и одного и другого фактора делали крушение монархии неизбежным.

Литература

1. *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 г. в контексте теорий революции // *Общественные науки и современность.* 2013. № 2. С. 106 – 115. № 3.
2. *Боханов А. Н.* Деловая элита России. 1914 г. М., 1994.
3. *Николаев А. Б., Поливанов О. А.* Парламентская элита России в 1912 – 1917 гг. / Из глубины времен. СПб., 1994. № 3.
4. *Архипов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000.
5. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: П. А. Трибунский, 2004.
6. *Протасов Л. Г.* Российская политическая элита 1917 года (характер, облик, судьба) // *Pro punk. Современные политические процессы.* 2004. № 2.
7. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.
8. *Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802 – 1917* / Под общ. ред. Н.Ю. Семенова. М. Лики России, 2008.
9. *Ланник Л. В.* 2 марта 1917 г. и 9 ноября 1918 г.: военные элиты в ходе двух отречений / *XX век и Россия: общество, реформы и революции. Электронный сборник.* Вып. 1. Ч. I. Самара, 2013.
10. *Куликов С. В.* «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // *Нестор.* 2007. № 11.
11. *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. / *Архив Русской революции.* Т. XVIII. Берлин, 1926.
12. *Сухомятинов В. А.* Воспоминания Сухомятинова. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
13. *Гайда Ф. А.* Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911 – 1917) // *Российская история.* 2009. № 4.
14. Великий Князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2017.
15. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925.

16. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. Т. II.
 17. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича. М., 2008.
 18. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. 1917 – 1918. В 2-х т. / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталева. М.: ПРОЗАиК, 2012. Т. 1.
-

Danilov Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor Department of theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail:agd7@mail.ru

THE ELITE AND THE COLLAPSE OF THE MONARCHY IN RUSSIA IN FEBRUARY 1917

Abstract

The article considers the criteria of who can be attributed to the Russian elite, analyzes the state of the administrative elite on the eve of the February revolution of 1917 concerning the conflict between military and civil administration in 1914-1915, contradictions within the government, the lack of unity between the Emperor and the Grand Dukes. The author came to the conclusion that the split within the ruling elite is an important prerequisite for the collapse of the monarchy in February 1917.

Key words: *Elite, elitistky paradigm, February revolution of 1917 in Russia, Nicholas II, World War I, Supreme Commander, Council of Ministers, split in an imperial surname, collapse of the monarchy.*

References

1. Mironov B. N. Russkaya revolyuciya 1917 g. v kontekste teorij revolyucii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2013. № 2. S. 106 – 115. № 3.
2. Bohanov A. N. Delovaya elita Rossii. 1914 g. M., 1994.
3. Nikolaev A. B., Polivanov O. A. Parlamentskaya elita Rossii v 1912 – 1917 gg. / Iz glubiny vremen. SPb., 1994. № 3.
4. Arhipov I. L. Rossijskaya politicheskaya elita v fevrale 1917: psihologiya nadezhdy i otchayaniya. SPb., 2000.
5. Kulikov S. V. Byurokraticheskaya elita Rossijskoj imperii nakanune padeniya starogo porjadka (1914 – 1917). Ryazan': P. A. Tribunskij, 2004.
6. Protasov L. G. Rossijskaya politicheskaya elita 1917 goda (harakter, oblik, sud'ba) // Pro nunk. Sovremennye politicheskie processy. 2004. № 2.
7. Gaman-Goluvina O. V. Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyucii. M., 2006.
8. Upravlencheskaya elita Rossijskoj imperii. Istoriya ministerstv. 1802 – 1917 / Pod obshch. red. N.Yu. Semenova. M. Liki Rossii, 2008.

9. *Lannik L. V.* 2 marta 1917 g. i 9 noyabrya 1918 g.: voennye elity v hode dvuh ot-rechenij / XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy i revolyucii. Elektronnyj sbornik. Vyp. 1. Ch. I. Samara, 2013.
10. *Kulikov S. V.* «Revolyucii neizmenno idut sverhu...»: padenie carizma skvoz' prizmu elitistskoj paradigmy // Nestor. 2007. № 11.
11. *Yahontov A. N.* Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 g. / Arhiv Russkoj revolyucii. T. XVIII. Berlin, 1926.
12. *Suhomlinov V. A.* Vospominaniya Suhomlinova. M.-L.: Gos. izd-vo, 1926.
13. *Gajda F. A.* Vnutripravitel'stvennye konflikty v period krizisa tret'eiyun'skoj sistemy (1911 – 1917) // Rossijskaya istoriya. 2009. № 4.
14. *Velikij Knyaz' Aleksandr Mihajlovich.* Vospominaniya v dvuh knigah. M.: Zaharov, 2017.
15. *Nikolaj II i velikie knyaz'ya.* Rodstvennye pis'ma k poslednemu caryu. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925.
16. *Shavel'skij G.* Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoj armii i flota. N'yu-Jork: izd. im. Chekhova, 1954. T. II.
17. *Voennyj dnevnik velikogo knyazya Andrey Vladimirovicha.* M., 2008.
18. *Dnevnik Nikolaya II i imperatricy Aleksandry Fedorovny.* 1917 – 1918. v 2-h t. / Otv. red., sost. V. M. Hrustalev. M.: PROZAiK, 2012. T. 1.